

Редакция «Жанры»
представляет серию
«РАССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИ ДВОЕ»

«Сигнал из прошлого»,
В. Крптонов, М. Бачурова
«Короли вкуса», В. Крптонов, М. Бачурова
«Холодные тени», В. Крптонов, М. Бачурова
«Гора Мертвецов», В. Крптонов, М. Бачурова

«Смайлик на асфальте», Д. Корсак
«Паутина прошлого», Д. Корсак
«Улица Сумасшедшего Аптекаря», Д. Корсак

«Древолаз», Е. Логуновская, М. Павлова

УЛИЦА СУМАСШЕДШЕГО АПТЕКАРЯ

ДМИТРИЙ КОРСАК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Александр Воробьев.*

Корсак, Дмитрий.

К69 Улица Сумасшедшего Аптекаря / Дмитрий Корсак. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Расследование вели двое).

ISBN 978-5-17-183707-5

1900 год. На улицах Петербурга умирают женщины. Что это — болезнь, стечение обстоятельств или все-таки убийства? Репортер «Петербургской газеты» Лев Шубин убежден: во всем виновата аптека доктора Пеля.

2024 год. В Париже совершено нападение на девушку. Что это — простое хулиганство или эпизод серьезного преступления? Лейтенант парижской уголовки Эмма Лоран убеждена: во всем виноват фармацевтический концерн AlBina-farm.

А экскурсовод Артем Зубарев не связан ни с аптекой Пеля, ни с концерном. И все же именно ему придется потянуть за ниточки, чтобы распутать клубок преступлений.

Новая встреча с героем романов «Смайлик на асфальте» и «Паутина прошлого» не оставит равнодушными поклонников исторических детективов!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183707-5

© Корсак Д., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Париж, — † 2024 год † —

Белые стены, серый линолеум, ряд ламп над головой. В одном торце длинного коридора — узкое окно, в другом — фикус в уродливой кадке. И запах реанимации — въедливый, вездесущий. Коридор от окна до фикуса пройден десять раз. Зачем было звонить, если потом не пускать к пострадавшей? Как будто других дел нет.

Еще несколько шагов к окну.

За спиной хлопнула дверь — наконец-то.

Врач в зеленом хирургическом костюме смотрел недоверчиво, будто перед ним стоял злостный нарушитель больничного режима, а не лейтенант парижской уголовки. Казалось, сейчас он заявит: «Все посещения на сегодня отменяются», но обошлось.

— Офицер, вы можете пройти.

Эмма дернулась к двери.

— Халат наденьте! — прозвучало вслед. — И недолго!

Эмма стянула с плеч куртку и, как всегда, поймала любопытный взгляд, брошенный на ее «беретту». Ну да, по мнению окружающих, невысокая миловидная девушка никак не может быть обладателем ствола. То, что

она — лейтенант парижской уголовки, при этом забывается, все видят лишь блондинку с аккуратным вздернутым носиком и необычными светло-серыми глазами.

Неловко напялив халат, Эмма прошмыгнула в палату. Врач вошел следом и застыл у двери, готовый в любой момент пресечь беседу.

Белые стены, белые простыни, две стойки приборов, рисующих на мониторе зубцы, и такое же белое бескровное лицо на подушке. К левому локтю пострадавшей тянется прозрачная трубка капельницы, из-под ворота больничной рубашки торчат провода монитора. Эмма внимательно вглядывалась в лицо лежащей на кровати девушки. Примерно того же возраста, что и она, может, чуть помладше. Симпатичное личико, хотя и слишком бледное, тонкий, чуть вздернутый носик, высокие скулы, светлые волосы, разметававшиеся по подушке. Ссадины на лбу и подбородке заклеены пластырем. Но это ерунда по сравнению с тем, что скрывалось под одеялом. Из заключения хирурга Эмма знала, что у пострадавшей ушиб печени, перелом ребер и многочисленные ссадины. Да и крови она потеряла порядком. Чудо, что вообще осталась жива: капот «Рено-Твинго» — всмятку, весь салон в крови.

Эмма дождалась, когда девушка откроет глаза, оказавшиеся серыми, и представилась:

— Лейтенант уголовной полиции Эммануэль Лоран. — На «Эммануэль» голос, как всегда, дрогнул.

Удружили родители с именем. Эммануэль — это нечто чувственное, томное, длинноногое, а у нее рост метр шестьдесят и скверный характер. Поэтому где только можно она сокращала полное имя до Эммы, но сейчас был не тот случай.

— Вы не против беседы? Как вас зовут?

— Валери Видаль, — прозвучало едва слышное.

— Вы помните, что произошло?

Валери попыталась кивнуть.

— Смутно. Он подошел ко мне на стоянке «Карфура»... Я загружала в багажник продукты, потом отвлеклась на сообщение гида из Петербурга и не заметила, как он появился... Схватил за локоть, я попыталась вырваться, но он не отпускал, нависал надо мной... И все спрашивал: «Кто ты такая?» Потом сказал что-то вроде: «Не хочешь разговаривать здесь, поговорим в другом месте»... И потащил к своей машине... — Каждое слово давалось ей с трудом.

— Вы знаете этого человека?

— Нет. Я не понимаю, за что.... — По щекам Валери потекли слезы.

«Не расслабляйся, сочувствовать будешь потом», — напомнила себе Эмма.

— Запомнили марку машины, номер? — И все же теперь ее голос звучал мягче.

— Кажется, черный BMW.

Да, все так. Дорожные камеры и видеорегистратор в машине одного из очевидцев аварии успели заснять автомобиль подозреваемого.

— Дальше.

— Я закричала... Служащий супермаркета... — Валери судорожно сглотнула и замолчала.

Вспоминать подробности нападения — удовольствие не из приятных, но и так все понятно: вмешался служащий «Карфура» и спугнул насильника.

«Надо будет поторопить стажера, который поехал смотреть записи с камер наблюдения супермаркета», — машинально отметила Эмма.

Переведя дух, Валери заговорила снова:

— Надо было сразу в полицию, но я торопилась к родителям в Байи. Я устала, было уже поздно.

- Вы не видели, что он поехал за вами?
- Нет! Нет! — Валери заметалась по подушке.
- Тише, успокойтесь, все давно позади.

Доктор перестал подпирать стену и подошел к постели пострадавшей. Но вместо того чтобы успокоить Валери, уставился на экран монитора. Ну да, пульс участился, сердце стучит как бешеное, но как можно оставаться спокойной, рассказывая о нападении? Неужели он не понимает, что Валери сейчас заново переживает тот страшный вечер? Неужели не понимает, что задача Эммы поймать преступника, а для этого необходимо выслушать жертву? Нет, ни черта он не понимает.

Подкрутив регулятор капельницы, доктор испепеляюще сверкнул очками:

— Еще один приступ тахикардии — и я буду вынужден прекратить допрос.

Идиот! Какой же это допрос, это просто беседа.

- Вы меня поняли? — Он повысил голос.
- Поняла, постараюсь помягче.

Эмма погладила лежащую поверх простыни руку Валери.

— Все хорошо, мы обязательно найдем его, только помогите нам немного, — прошептала она. — Договорились?

Валери зажмурила глаза, сжала губы. Ответила не сразу:

— Я его заметила только на трассе. Он ехал прямо за мной. — Эмма едва расслышала сказанное. — Эти фары в темноте за спиной... Они меня испугали... Я поехала быстрее, он тоже. Поравнялся... Кажется, прижал к обочине. А дальше только боль... Я пыталась ползти... И снова: «Кто ты такая?»

Лицо Валери исказилось, став некрасивым, на ресницах выступили слезы, пальцы судорожно заскребли по пододеяльнику.

Она вновь была на трассе, вновь до побелевших костяшек пальцев цеплялась за руль, вновь бросала лихорадочные взгляды в заднее зеркало. BMW не отставал и не скрывался, он слепил фарами, грозно нависал над маленьким «Твинго». А затем — сильный удар, боль, запах бензина и страх за свою жизнь.

Из машины она вывалилась в колючую траву. То ли сама открыла дверь, то ли это сделал преследователь. В темноте ничего не было видно. Она пыталась ползти, не замечая, как сухие ветки бьют по лицу, цепляются за одежду. Мужская рука схватила ее за волосы и рывком подняла. Другая рука схватила за горло.

Как же больно...

«Кто ты такая?»

Она не понимала, что от нее хочет.

«Это твой профиль ДНК? Нет? Тогда чей? Отвечай!» — кричал он.

На короткое время она потеряла сознание, а когда очнулась, над ней склонилось незнакомое женское лицо.

«Помогите», — прошептала она.

«Не закрывай глаза! Смотри на меня!» — Голос отдавался, сменяясь нарастающим гулом, сквозь который пробивалась сирена скорой. Сирена становилась громче, вгрызалась в мозг. «Перестаньте, — хотелось сказать ей, — у меня больше нет сил». Чьи-то руки ощупывали ее, незнакомые голоса о чем-то спрашивали и успокаивали. «Все будет хорошо», — наперебой говорили они.

Нет, ничего хорошего уже не будет...

Она открыла глаза. Чернота позднего вечера сменилась дневным светом, придорожные заросли — большой палатой. Сознание, подстегиваемое лекарствами,

на время прояснилось. «Нужно обязательно сказать про ДНК-тест», — подумала она...

Приборы запищали громче. Эмма машинально взглянула на экран, где скакали кривые. Подскочивший врач попытался отпихнуть ее, но Валери слабо цеплялась за руку Эммы. Серые глаза смотрели умоляюще.

— ДНК-тест... Петербург... Послезавтра... — Последнее слово она вытолкнула с огромным трудом.

На этот раз врач даже не пытался казаться вежливым — он просто сдернул Эмму со стула. Реаниматолог с медсестрой сначала оттеснили ее к стене, затем вытолкали в коридор. Последнее, что она услышала в палате, — окрик врача: «Срочно в операционную!»

В коридоре Эмма стянула уже ненужный халат и взяла в охапку куртку, больше похожую на стеганое пуховое одеяло. Дурацкая мода.

— Что теперь?

Пробегавшая в палату медсестра отвечать явно не собиралась, но потом все же бросила через плечо:

— Сегодня вас к ней уже не пустят. Будет чудо, если она выкарабкается.

Так, с неопрятным комком в руках, который еще недавно был модной бежевой курткой, Эмма вошла в лифт. Поймала удивленные и опасливые взгляды. Черт — «беретта»!

— Я из полиции, — буркнула она, накидывая бежевый комок на плечи. Но недоверчивые взгляды не пропали — не рассталась у обывателей картинка.

Почему-то считается, что в полиции могут служить только бугаи со свирепой рожей и горой мышц, а невысокой худенькой девушке там не место. Сколько лет она в уголовке, столько приходится ловить на себе такие вот недоверчивые взгляды. И столько лет доказывать свою состоятельность, потому что малейший промах будет

рассмотрен под микроскопом своими же коллегами: ну что взять с барышни? А поблажки и послабления, которые ей дает капитан, выглядят унизительно, хоть он и делает это из лучших побуждений.

Рассказ Валери в целом соответствовал показаниям свидетелей аварии. Все так: черный BMW на большой скорости подрезал «Твинго», и тот улетел в кювет. Из BMW выскочил водитель и бросился к пострадавшей. Женщина, с которой общалась Эмма, рассказывала, что сначала подумала, будто водитель BMW старается помочь, но он вовсе не оказывал помощь. Со странной агрессией он набросился на раненую девушку, которая старалась отползти от него. Он что-то кричал, низко наклонившись к ней, потом, подхватив окровавленную Валери под мышки, поволок к своей машине. Когда подошли очевидцы аварии, он бросил девушку на землю и скрылся. При этом зачем-то сорвал с шеи бедняжки шарф с пятнами крови. Прямо маньяк какой-то, собиратель кровавых сувениров.

Лифт остановился в вестибюле.

— Офицер...

Немолодая пара — оба темноволосые, кареглазые, типичные уроженцы юга Франции — бросилась навстречу. Чета Видаль, родители Валерии, догадалась Эмма. Она совсем забыла о них, хотя сама же звонила, когда их дочь привезли в госпиталь Андре Миньо. Но как они ее узнали? Ага, понятно — медичка из справочного больницы расстаралась, не просто же так у нее вид нашкодившего щенка.

— Как Вэл? Почему к ней не пускают? Нам сказали, что произошла авария. — Голоса испуганные, на лицах тревога.

Придется врать: не говорить же родителям, что их дочь сейчас борется за жизнь.

— Валери в реанимации. Она жива, это главное. Скажите, пожалуйста, вашей дочери не угрожали в последнее время? Она ни с кем не конфликтовала?

— Вы думаете, ее хотели убить?! — Карие глаза мадам Видаль потемнели от ужаса.

— Мы проверяем все версии, и эту тоже.

— Нет, ничего подобного... — Месье Видаль поддерживал жену за плечи, словно боялся, что она потеряет сознание. — Мы бы знали, Валери ничего не скрывает от нас.

— Она что-то говорила о ДНК и Петербурге, вы не могли бы пояснить?

От Эммы не укрылся смущенный вид мадам Видаль. Месье Видаль крепче приобнял жену и взглядом попросил разрешения. Она кивнула.

— Наша дочь — приемный ребенок, — сказал он. — Мы удочерили ее в двухтысячном году в Санкт-Петербурге, девочке было два годика. Тогда многие так делали: усыновить ребенка европейской внешности быстро и без проволочек проще всего было в России.

Мадам Видаль опять согласно кивнула.

Только сейчас Эмма сообразила: Валери совершенно не похожа на родителей. Ну надо же быть такой невнимательной, могла бы и раньше заметить.

— Мы ничего не скрывали от Вэл, она знает, что мы ее любим, и не переживает из-за того, что неродная нам по крови. Но в последнее время она вдруг загорелась идеей найти родственников, — продолжал отец. — Мы не отговаривали ее, хотя эта затея нам не слишком нравилась. Вэл сдала ДНК-тест и зарегистрировалась на сайте поиска родственников по генетическому профилю, но, насколько знаю, никто не откликнулся. Но надо знать нашу девочку — трудности ее только подстегнули. Она запросила свое личное дело в российских органах опеки

и собралась в Санкт-Петербург. Если бы не авария, она бы уехала послезавтра.

— Вы думаете, авария как-то связана с ее поисками? — Мадам Видаль подалась вперед.

Ответить на вопрос женщины Эмма не успела: айфон в кармане разразился аккордами «*Désenchantée*»*.

— Простите.

Эмма отошла в сторону, чувствуя на себе любопытные взгляды.

— Лоран, слушаю.

Трубка ответила голосом капитана:

— Как дела в больнице?

В нескольких словах Эмма обрисовала ситуацию. Во многом приходилось прибегать к эзопову языку: чета Видаль наострила уши.

— Любопытствующие рядом? — хмыкнул капитан. — Возвращайся в Бастион, мы его взяли. Если поторопишься, успеешь к началу допроса. Отбой.

— Отбой. — Эмма подтвердила конец связи.

— Что-то случилось? — родители Валери смотрели на нее с надеждой.

Не умеет она держать лицо — прочитать легче, чем открытую книгу. Плохое качество для следователя.

— Начальство ждет, извините, — пробормотала Эмма и ринулась к выходу.

* * *

Частый мелкий дождь оседал на ветровом стекле крошечными каплями и тут же застывал ледяной коркой, с которой едва справлялись «дворники». Париж содро-

* Песня французской исполнительницы Милен Фармер.

гался под порывами ветра, коченел под ледяным дождем: не удалось столице избежать циклона, обрушившегося на Францию с запада.

Чтобы добраться в Семнадцатый округ на улицу Бастион, где находилась префектура полиции, у Эммы ушло больше часа: на набережной у стадиона, как и всегда по вечерам, образовалась пробка. Синий маячок мигалки, установленной на крыше, помогал мало: машины тащились нескончаемым потоком. Лишь на бульваре Ланн движение пришло в норму.

Впереди показалось здание российского посольства, состоящее из одних вертикальных линий. Если бы не авария, Валери бы в скором времени отправилась в холодный северный Петербург. Говорят, он похож на Париж. Любопытно было бы увидеть собственными глазами, только вряд ли представится случай сравнить: тут в Нормандию к матери не выбраться, какой уж там Петербург.

Мысли о матери отозвались раскаянием — та совсем одна в Онфлере. Но за раскаянием пришла досада: сколько можно носить траур по отцу? И траур ли это? Мать вполне могла бы переехать к ней в Париж, или к тете Марте в Кан, или вообще выйти замуж. Она все еще оставалась очень красивой женщиной. Вот кого должны были назвать Эммануэль, а не Женевьевой.

От матери Эмма унаследовала лишь северную внешность — белокурые волосы и светлые глаза, — но не красоту. От отца — пытливый ум и настойчивость, к которым после его смерти добавились нервозность и мнительность. Убойные качества, особенно для полицейского.

Смерть отца не просто изменила ее характер — ее мир перевернулся. Раньше Эмме казалось, что вся ее жизнь распланирована на годы вперед и ничто не сможет помешать ее планам. Еще в детстве она решила заняться

наукой, ведь перед глазами был такой замечательный пример — ее отец, известный врач и ученый. Хотя и была совсем крохой, но понимала: отец спасает жизни. Он представлялся ей кем-то вроде доктора Дулиттла, только для людей. Виделись они нечасто, много времени отец проводил в зарубежных командировках, бывая в Латинской Америке, России, Ливане. Из каждой поездки он привозил ей игрушку. Петербург подарил маленькой Эмме рыжего кота в сапогах и с цилиндром на голове.

Когда-то Эмме казалось, что ее жизнь будет похожа на движение хорошо отрегулированного автомобиля по ровной дороге. Она была твердо уверена, что станет врачом или фармакологом и, как отец, будет бороться со смертельными недугами — что может быть благороднее? Она не мыслила для себя иного будущего. После окончания школы был хороший лицей, затем предполагалась Сорбонна или Университет Париж-Сакле, биологический или медицинский факультет. Но все пошло прахом на втором курсе лицея: отец застрелился в своем кабинете.

В последние годы жизни отца она замечала, что он изменился. Больше не ездил за границу, зато все чаще запирался в своем кабинете. Однажды она услышала, как он спорил по телефону и даже сорвался на крик: «То, чем вы занимаетесь, чудовищно! Это гнусно! Гнусно и бесчеловечно!» Она была достаточно взрослой, чтобы понимать: у отца серьезные проблемы, но не представляла, чем может помочь ему. Посоветоваться с матерью? Но та замкнулась в себе и ничего не желала слышать.

И Эмма слетела с катушек. Прогуливала занятия, напивалась до бесчувственного состояния, возвращалась домой под утро. Она делала все, чтобы на нее обратили внимание, даже пыталась покончить с собой. Не всерьез,